

Илья Тамигин
Телевизор по имени Васька

Фантастические повести

Илья Тамигин
Телевизор по имени Васька.
Фантастические повести

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28265554
ISBN 9785449010162*

Аннотация

Кот-телевизор, показывающий передачи из будущего! Битва Ильи Муромца с Гераклом! Водочное дерево! Таинственный реактор искажения времени! Тайна телевизора тёти Дуси! Волшебный конь Сивка-Бурка в салоне красоты и дамы, стоящие в очереди, чтобы пролезть в его ухо! Скатерть-самобранка для народа! Серебряное блюдечко, по которому катится заграничное яблочко! Уникальный метод изучения английского языка! Всё это (и не только!) Читатель найдет на страницах этого сборника фантастических повестей!

Содержание

Телевизор по имени Васька	5
От автора	5
Глава первая	6
Глава вторая	16
Глава третья	24
Глава четвертая	28
Глава пятая	33
Глава шестая	38
Глава седьмая	44
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Телевизор по имени Васька

Фантастические повести

Илья Тамигин

© Илья Тамигин, 2017

ISBN 978-5-4490-1016-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Телевизор по имени Васька

*Мой кот, как радиоприемник, зелёным глазом
ловит мир...*

А. Вознесенский

*...настоящий друг, на мой взгляд, это тот,
на кого вы можете положиться... вплоть
до его последнего доллара, честного слова или
лжесвидетельства, последней пули в его винчестере,
последней капли крови в его жилах.*

О. Генри, «На помощь, друг!»

От автора

Все действующие лица, географические названия и события, а также синий цвет, есть вымысел Автора. Кое-что, тем не менее, списано с реальной жизни. Если кто-нибудь заметит сходство, то пусть пеняет на себя!

Глава первая

Изображение было нечетким, двоилось, и лиловолицый диктор, желтея на глазах, переходил с баса на визгливый фальцет.

– Ширится борьба трудящихся в странах капитала. Рабочие-горняки и водители автобусов в Чили вышли на улицы протестуя...

Семен крутанул ухо кота Васьки, выводя его из транса, и выругался. Стабилизация сигнала никак не хотела устанавливаться. Сигнал «плавал». Василий прыгнул с верстака на пол и хрипло завопил, требуя жрать. Справедливо, энергии он много потерял за время сеанса. Семен достал из холодильника пару размороженных спинок минтая и положил в миску. Кот, прижав уши, заурчал над любимым деликатесом. Хозяин, прихлебывая остывший чай, отвернулся к карте 12-той хромосомы. Если вот эту группу генов сюда... а здесь – вот так... Печень, все дело в печени! Она и фильтр, и усилитель. А значит: все на борьбу за здоровую, мощную кошачью печень! От мудрых мыслей оторвал кот – он уже поел, и теперь просил водички. Семен налил ему раствор Рингера с витамином Бэ 12. Васька понюхал и поморщился.

– Знаю, невкусно! Но, надо, Вася! – погладил его по спинке Семен.

Тот покосился зеленым глазом, вздохнул, и принялся ла-

кать.

Зазвонил разбитый телефон. Сеня, спотыкаясь о разбросанные по полу книги и провода, подбежал и взял трубку:

– Вахтер Штюрмер у аппарата... Ой, я слушаю!

– Сёмка? Привет! Это я, Серега! Я тут у вас в командировке. Дай, думаю, позвоню! Ты не занят?

– Для тебя – нет! Ты надолго? Встретиться надо, сколько лет, сколько зим!

– Надо! Я сейчас подъеду. Будь начеку, вахтер!

Через полчаса Сергей приехал. Он учился с Семеном в одном классе, затем в одной группе, был его лучшим другом, но после универа их пути разошлись. Семен поступил в аспирантуру в НИИ Связи, Сергей же получил распределение в почтовый ящик где-то под Москвой. Виделись они редко, раз в несколько лет, но дружбы не прерывали.

После объятий и гулких хлопков по спине, Сергей предложил:

– Ну, что, Сёма, пойдем куда-нибудь, отметим встречу?

– Да я... это... – Семен мучительно покраснел. Денег до зарплаты оставалось всего два рубля, а надо было ещё купить коту рыбы, а себе – пачку Беломора, без которого творческий процесс увядал на корню.

– Что, интеллигенция, денежков нетути? – засмеялся сразу все понявший друг, – Не бойсь, я угощаю!

Семен, обрадовавшись счастливому разрешению проблемы, надел пиджак с нашитыми на локтях кожаными заплатами.

ми, и они вышли в подъезд. Уже закрывая дверь, он вспомнил про кота и выпустил его погулять.

– Ну и зверюга у тебя! Шустрый, видать, по кошкам побежал!

– Да, он такой! – гордо подтвердил Сеня, запирая дверь.

– А что не кастрируешь? Ведь, поди, орет по весне?

– Нельзя, это, брат, кот особенный!

На ресторане «Азов», как всегда, висела монументальная табличка с надписью золотом по черному: «Мест нет». У дверей заведения безнадежно топталось народу скопление, желающее культурно провести время. Время от времени кто-нибудь начинал качать права. Но уса́тый швейцар, как говорится, на страже стоял боевым кораблем и никого не впускал. Однако, когда Сергей, протиснувшись сквозь толпу, показал ему красную книжечку, сразу открыл дверь. Наши друзья прошли в зал. За спиной швейцар отругивался:

– Осади, тебе говорят! Мало ли, кого впустил! Товарищи, может, вообще из органов! Осади, а то в лоб!

Толпа разочарованно притихла.

В зале их встретил метрдотель в потертom и засаленном смокинге. Ему Сергей ничего показывать не стал. Просто приказал, солидно и властно:

– Нам столик на двоих!

Мэтр, сразу угадав, с кем имеет дело, посадил их за столик в углу, сняв с него табличку «Занято».

– Ух, здорово ты их! – восхитился Семен.

Сергей только улыбнулся.

Подошла официантка в грязноватом переднике:

– Что закажем, граждане?

– Нам, для начала, бутылочку водочки и бутылочку коньячку! И пару пива! – хором ответили они и засмеялись, вспомнив фильм «Бриллиантовая Рука».

– А кушать что будете?

– А вот её, родимую, и будем кушать! Шучу! Пару салатов, горячее... Селедочки с лучком обязательно... Ну, все, как положено быть! И хлеба побольше!

Малое время спустя официантка брякнула на стол заказанное.

– Эх, сладка водочка, да чашуйчата селедочка! Вот и жизнь хороша, вот и смерть не страшна! – воскликнул Серега и накатил по фужеру, – Ну, махнем за встречу! Давно я тебя, Штюрмера эдакого, не видел, не слышал, не осязал, не обонял!

– Обоюдно!

Врезали по первой.

– Рассказывай, Сёма! Где ты, как ты, чем ты, с кем ты?

– Я нынче старшим лаборантом в своем НИИ. Жду вакансии младшего научного. Вахтером подрабатываю на стадионе. Диссертуху ковыряю помаленьку.

– Погоди-погоди! Между первой и второй перерывчик... как там дальше?

– Стремится к нулю!

– Правильно! Вот и давай, рюмочку за маму!

– Мама умерла в прошлом году, Сережа.

– О, старик, извини, я не знал. Отчего?

– Сердце...

– Ну, тогда не чокаясь, за ушедших. Мои ведь, тоже уже там.

Выпили, помолчали.

– Так ты бобыль, что ли? Так и не женился?

– Ага, холостякую. А ты, Серж?

– А я со своей пока живу, да не знаю, надолго ли. Командировки, командировки... Она ворчит, психует... А с той, черненькой, забыл, как звали... у тебя не сложилось?

Семен вспомнил отдых в Крыму три года назад. Они с Сергеем познакомились с двумя подругами. Одна из них, Татьяна, приехала из Семипалатинска 7 – одного из ядерных полигонов СССР. Она и запала на Семена.

– Смотри, старик, там у них радиация, мало ли что! – шутил Сергей, развешивая вечером сушиться плавки и полотенца.

Курортный роман катился по накатанной колее. Вкусное крымское вино, кино под открытым небом, ночные купания в светящемся фосфором море...

Однажды Семен не рассчитал и принял на грудь портвейна больше, чем обычно. Когда Сергей пришел вечером со свидания, то увидел в их лачуге крепко спящего друга.

Коварно он наловил светлячков, стянул с Семена трусы, и, намазав ему это место мёдом, наклеил туда два десятка светящихся жучков. После этого принялся переливать воду из стакана в стакан, предварительно вернув трусы в исходное положение. Друг вскоре проснулся и побрел в сортир. Через несколько секунд оттуда раздался леденящий душу вопль, заставивший содрогнуться всех дикарей их хозяйки тети Маши – 32 человечка, между прочим! Потрясенные жильцы, решившие, что произошло нечто вроде пожара или землетрясения, повыскакивали из своих лачуг, хижин и шалашей чтобы узреть Сёму с трусами на щиколотках, яростно бьющего себя по паху, в котором радостно сияли приклеенные светляки. Сергей, от смеха чуть не лопнув пополам, едва смог выговорить:

– Радиоактивные мандавошки! А я ведь предупреждал! Семен долго гонялся за ним с поленом...

Сейчас он улыбнулся, вспомнив эту историю.

– Нет, не сложилось! Приезжала два раза, даже пожила пару месяцев... Не сошлись, в общем, характерами!

– Ну, это понятно... А работаешь над чем?

– На работе – ни над ничем особенным, обеспечиваю проведение опытов старшим товарищам. Дома работаю над диссером. У меня тема: «Телекоммуникативные способности млекопитающих и их развитие».

– Интересно! И как это выглядит?

– Я своего кота Ваську подверг генной модификации. Те-

перь он принимает все каналы центрального телевидения, – скромно поведал Сеня.

– Иди ты! А смотреть как?

– Смотреть с сетчатки глаз, через специальные очки. Звук – непосредственно гортанью воспроизводит. Искажает, конечно.

Сергей потрясенно уставился на друга.

– Ну, ты даешь, старый! Давай-ка, за тебя и твою светлую головушку!

Выпили. Покурили.

– А наоборот твой кот может?

– Как это, наоборот?

– Ну, это... транслировать то, что видит?

– Может, только кошки смотрят не так, как люди. Страноватая картинка получается.

– А запомнить и потом воспроизвести?

– Может...

Он ещё порассказывал другу Сереге о трудностях отладки, о дороговизне материалов и препаратов, которые приходится покупать за свой счет...

К столику подошла корпусная дама в тесноватом платье с глубоким вырезом.

– Симпатичный мущина! Разрешите Вас пригласить на Белый танец? – вежливо обратилась она к Сергею.

– С удовольствием! – согласился тот, вставая и подавая ей руку.

Семен смотрел, как они танцуют. Оркестрик на эстраде исполнял шлягер «Там, где клён шумит над речной волной». Дама явно знала, чего хочет, и, млея, висла на статном Сереге. С ними было все ясно. Налил себе фужер коньяку, выпил залпом. Вспомнилась собственная неуклюжесть с женщинами. Вот, хоть в прошлом году, на картошке, ухаживал за одной подругой с мясокомбината, два дня вроде все шло хорошо, а на третий вечер увидел её с Сашкой из соседнего отдела. Когда, улучив удобный момент, спросил её, в чем дело, то получил прямой ответ, что вздохи-прогулки-цветочки конечно, хорошо, но ей мужик нужен сейчас и сразу, ибо она от семьи всего на неделю вырвалась!

Тут он, вроде как, отвлекся, потому что услышал над собой голос официантки:

– Мущина, дайте-ка я салат на свежий перемену, а то в этом мордой лица лежать неудобно!

Подошел Сергей, присел рядом, приобнял за плечи, зашептал:

– Слышь, старик, сворачиваемся! Я такой кадр склеил! Сам-то до дому дойдешь? Ну, завтра позвонимся!

Семён, покачиваясь, вышел из ресторана и побрёл в пространство. Через несколько минут прилег отдохнуть...

Открыв глаза, Семен с удивлением увидел себя в комнате с казенной мебелью и стенами, окрашенными в отвратный темно-зеленый цвет. У письменного стола за хлипким

деревянным барьерчиком сидел милицейский сержант. Другой сержант нависал над его, Семена, организмом и шарил по карманам.

– Штюрмер, Семен Витальевич? – задал вопрос тот, что за столом, держа в руках пропуск в институт.

– Аз есмь... – гордо отвечивал наш герой.

– Ты чё бормочешь? Нерусский, что ли?

– Н-никак нет, русский я! Это барин, Фон Штюрмер, в раннее время, когда с нашей деревни мужиков на оброк отпускал, то всем паспорт выписывал на свою фамилию, вот с тех пор... Штюрмеры мы, только без «фон».

– Так, ясно! А это чего? – сержант показал членский билет клуба «Сакура», где Семен занимался модным каратэ.

– Это... каратист я...

– Ишь ты! А ну, продемонстрируй!

Штюрмер без приставки фон подошел к барьерчику и, с криком КИЯ-Я!!! сломал его ребром ладони.

– А вот ещё могу...

– Нет-нет, достаточно!!!

– Тогда... Я пойду?

– Во-во, иди! Степаныч тебя проводит. Эй, Степаныч! Забирай клиента!

Вошел верзила в нечистом белом халате на голое тело.

– Так, по-быстрому, раздевайся до трусов! – грубо толкнул он Семена к вешалке.

– Осторожно, это каратист! – предупредил его, ухмыля-

ясь, сержант.

– А? Угу... Это... раздевайтесь до трусов, пожалста, товарищ! Щас мы Вам душик организуем и кроватку! – заворковал обескураженный Степаныч, опасливо косясь на Семена.

Сержанты ржали так, как будто им за это платили сдельно, по рублю за децибелл.

Глава вторая

Утром болела голова. Нет, не так! Утром голова болела по страшной силе! Казалось, что в мозг налили кислоты или расплавленного свинца, так жгло в висках и позади глаз. Веселый сержант вручил Семену квитанцию на 25 рублей, посоветовал оплатить в течение недели. Провел с ним беседу о вреде пьянства, процитировал материалы очередного съезда КПСС о борьбе с алкоголизмом. И, что совсем уныло, посулил телегу на работу. На этой, скажем прямо, не шибко радостной ноте, гражданин Штюрмер покинул гостеприимные стены трезвяка.

Очутившись на улице, обшарил карманы. Документы и ключи были на месте, но два рубля исчезли бесследно. Остался только пятак. Поразмыслив над таинственной пропажей двушника, и не вспомнив, где потратил, Семен решил позвонить Сереге. Разменяв пятак, бросил две копейки в щель телефона-автомата и накрутил диск. В трубке раздался сонный голос друга.

– Кто звонит в такая рань, может, сплю совсем ишшо?

– Аллё! Сережа! Я тут это... в трезвяк попал... да... не знаю, что и делать. И денег нету, даже на автобус...

– Говори адрес, пьяница, сейчас приеду...

Через пятнадцать минут подкатило такси. Сергей, с бледным лицом и кругами под глазами, спросил:

– На тебе только пьянка? Правонарушений не допускал?

– Не...

– Ладно... Жди здесь!

Через десять минут он вышел обратно, рассматривая какие-то бумаги. Прочитав, одну протянул Семену, остальные порвал.

– Тебя здесь не было, штраф можешь не платить. А протокол возьми на память. Ты там смешное объяснение написал!

Трясущимися руками Сеня поднес к глазам протокол и прочел вслух строки, написанные собственным почерком: «Я, Сема Штюрмер, выпил много водки в ресторане Азов. По поводу. Почему сделался пьяный и валялся. Барьер сломал нечаянно. Потому что. Планы партии – планы народа! Обязуюсь и впредь. Вася не кормлен.»

– Тебе на работу к сколько? – спросил Сергей, отсмеявшись.

– К девяти...

– Тогда пошли в гадюшник, поправим здоровье добрым жигулевским пивком!

– А запах? На работе учуют!

– А ты думаешь, сейчас от тебя благорастворение воздуха исходит?

Гадюшником назывался в народе пивняк-автомат у метро, где за 20 копеек наливали 480 граммов пива. Всем на удивление, пиво здесь не разбавляли и стиральный порошок не подмешивали. Что же до санитарного состояния... Г-м, промол-

чим из деликатности, тем более, что бывает и хуже.

Протолкавшись сквозь толпу жаждущих, друзья взяли по первой кружке. Пиво потекло в пересохшее горло как нектар. Голове, да и всему организму мгновенно полегчало.

– Напиток богов! – благоговейно произнес Семен, рыгнув и вытерев пену с верхней губы.

– Угу! А помнишь, как ты морщился и говорил, что горькое?

Семен улыбнулся, вспоминая ту историю. Они, через пару дней после выпускного вечера в школе, погрузились с велосипедами и удочками на электричку – побыть на лоне природы, искупаться, покурить без оглядки на предков. Назад ехали своим ходом и крепко притомились. В Кунцево решили устроить привал. Остановились около пивного бара, и Сергей спросил:

– А не выпить ли нам здесь пива пенного, чтоб выросла мускулатура обалденная?

Семе идея понравилась, но, тем не менее, он пропел ханжеским голоском:

– Мне взрослые дяденьки говорили, что от пива пиписька вырастет криво!

Вместе посмеявшись над этой народной мудростью, они вошли в пивбар. Народу было немного – всего-то человек пятнадцать. За прилавком, ловко жонглируя кружками у насоса, разливала пиво известная всему Кунцеву тётя Валя – здоровенная бабища в возрасте «ягодка опять». Её побаива-

лись даже шофера-дальнобойщики, так как все знали, что у неё не задержится собственноручно вышвырнуть скандалиста, или опозорить так, что потом хоть из города беги. Но мальчишки были не местными и этих тонкостей не знали. Отстояв очередь, они взяли по кружке и сели за столик неподалеку, медля сделать первый глоток. Над стойкой висел плакат: «Требуйте долива пива после отстоя пены!». Друзья плакат прочли и решили воспользоваться своим неотъемлемым правом. Когда, минут через десять, пена осела полностью, они без очереди подошли к стойке.

– Повторить, что ль? – не глядя спросила Валентина, протягивая руку.

Пацаны переглянулись, и хором сказали:

– Тётъ, а тётъ! Пиво-то, долейте, пожалуйста!

В пивняке воцарилась гнетущая тишина. Буфетчица замерла, держа чью-то кружку под краном. Пиво полилось через край. Через секунду тетя Валя потрясла головой, как бы отгоняя морок.

– Что? – негромко спросила она, думая, не ослышалась ли.

– Да вот! Написано же! А у нас во: сантиметра два не хватает!

Она воззрилась на плакат, и, словно впервые в жизни, прочла его, шевеля губами. Затем растерянно пробормотала:

– Да, мальчишки, конечно, давайте долюю...

И аккуратно долила обе кружки.

Кто-то неуверенно засмеялся. Все еще не могли охватить

происходящее умами.

– Цыц, жеребцы! Не смей! Кто заржет, на улицу выкину! – произнесла тётя Валя тихо, но так крепко, что все снова замолкли.

– Первый раз? Нравится пиво, ребята? – обратилась она к нашим друзьям участливо.

– Горькое... – растерянно сказал Сёма.

– Привыкнешь! – грустно ответила королева пивного насоса и отвернулась.

Так в их жизнь, несколько неуклюже, вошла Первая Кружка Пива.

Поностальгировав и выпив ещё по одной – не пьянства ради окаянного, а здоровья для, и дабы не отвыкнуть, друзья разошлись, уговорившись встретиться вечером. Перед расставанием Сергей ссудил другу червонец.

Сеня, отживев от пива, поехал в свой НИИ.

Пройдя через проходную, где ехидная вахтерша Митрофановна не преминула сделать замечание за выхлоп, двинулся в свой отдел. Там женская часть коллектива наводила последние штрихи раскраски на лица и ногти, а мужская часть дружно курила, ибо сказано: рабочий день начинается с перекура. Покурив с коллегами и выслушав бородатый анекдот про поручика Ржевского, наш герой сел просматривать почту, одновременно косясь на хорошенькую лаборантку Ниночку. Она его определенно отличала, и он надеялся развить их отношения, в смысле: поухаживать всерьёз. Ни-

ночка, в окружении трёх отдельных дам, делилась информацией:

– Я на аэробике познакомилась с женой дипломата, они во Франции пять лет прожили, так она мне подробно про макияж рассказала: как делать для мужа, как для ухажера...

– Что-что, делать? – вскинулась Анна Апполинарьевна, довольно миловидная дама постбальзаковского возраста и председатель месткома института.

За глаза её называли «Анапа». Была она ростом с правофлангового гренадера и формы имела, как статуя девушки с веслом.

– Да макияж!.. Еще объяснила, что есть вечерний, дневной и утренний варианты, как делать на пляже...

Анна Апполинарьевна покрылась красными пятнами. Её рот приоткрылся и обнажил три золотых зуба.

– ... когда гости – макияж особенный, ну а для начальника – тем более...

Анна Апполинарьевна вскочила. Её могучая грудь волновалась, как Черное море в марте.

– Да как ты можешь! А ещё комсомолка! При всех, на пляже?! При гостях?! Начальнику!? Какой цинизм! Нет, я понимаю, конечно, сексуальная революция и все такое, но это уж ни в какие ворота не лезет! Тлетворное влияние Запада! Разнузданная половая распущенность! Я допускаю, что с мужем... ну, или с любимым человеком, наверное, можно иногда и так, а не только обычным способом, особенно, если

месячные, но наедине, дома, под одеялом! Но не на пляже или при гостях!

От таких речей бедная Ниночка побледнела и замерла, как птичка перед коброй.

– Простите... я... не понимаю...

– Анна Апполинарьевна, – вмешался Семен, потирая свой конопчатый нос, – макияж – это искусство грима. Вы это слово с каким-то другим спутали! Тоже на букву Мэ начинается...

Лицо и шею Анапы залил совершенно свекольный румянец, и она раненой ланью выскочила за дверь. Ниночка икнула и благодарно посмотрела на своего спасителя. Так начался рабочий день.

Благоразумно избегая начальства, Семен зарылся в аппаратуру. Что-то паял, что-то разбирал и собирал обратно. В обеденный перерыв сбегал в Гастроном и купил рыбы для Васьки. Мысли же текли независимо, и к концу дня он придумал, как стабилизировать сигнал, сделать Васькино изображение и звук устойчивым. Но для этого нужен был этиловый спирт – граммов, эдак, триста. А спирта дома не было... Но советский человек всегда придумает выход из положения, особенно, если дело касается такого деликатного продукта, как спирт! Короче, в полшестого, вахтерша Митрофановна увидела его, пинающего через проходную ржавую консервную банку с загнутой, не до конца отрезанной крышкой. Банка была наполовину заполнена чем-то густым и чер-

ным, вроде смолы.

– Чо в карманах? Предъявь! И сумку! – бдительно приказала она.

Сеня предъявил пустые карманы и сумку с хеком для кота. Удовлетворенная Митрофановна пропустила «футболиста», проворчав вслед:

– Играются, как дети малые! Ишь, распиалси, интеллигент!

Допинав банку до угла, наш спортсмен аккуратно поднял её и положил в полиэтиленовый пакет, после чего сел на автобус в сторону дома.

Глава третья

Около двери, на коврике, маялся Василий. По нему было видно, что он тоже провел ночь, полную приключений. На спине не хватало приличного клокa шерсти, левое ухо было слегка порвано. Увидев хозяина, да ещё с рыбой, кот приветственно заурчал и стал тереться о брюки.

– Вася! Не надо этого низкопоклонства и пресмыкания! – погладил его растроганный котовладелец.

Войдя в квартиру, Сеня первым делом положил в миску тушку уже оттаявшего хека. Сожрав корм в три глотка, удовлетворенный желудочно Васька улегся на спину, и стал играть собственным хвостом.

– Эй, поосторожней! Не повреди антенну! – прикрикнул на него хозяин.

Тут раздался звонок в дверь – это пришел Сергей.

– Вы нас не ждали? А мы припёрлись! – жизнерадостно гаркнул он.

– Подарок дай! – завопил в ответ Семен.

Это было их обычным ритуалом.

Гость вынул из портфеля две бутылки белого болгарского вина «Траминер».

– Во!

– Отлично! Отдохнем от пьянства! Пельмени будешь?

– Я буду всё!

– Тогда – на кухню!

Запивая пельмени сухоньким, Семен увлеченно рассказывал другу принцип устройства кота-телевизора.

– Смотри: сигнал поступает на антенну, в качестве которой выступает дистальный отдел спинного мозга, то-есть – хвост. Затем происходит развертка полученного сигнала в гениталиях, причем, чем выше половая потенция, тем качественней изображение. Затем сигнал идет на печень, для усиления и фильтрации помех. Ну, а потом – на сетчатку глаз, где палочки и колбочки создают картинку, и в гортань, для воспроизведения звука. Смотреть приходится через стерео очки. Всё, как видишь, просто! А ты, давеча говорил: кастрировать!

– Да-а! Беру свои слова обратно! Покажешь, как работает?

– Щас, поедим, покурим – и покажу.

Сеня встал и вынул консервную банку из пакета.

– Что это у тебя за гадость?

– Это не гадость, это я спиртику на работе скоммуниздил.

По-другому, ведь, не достанешь, а мне для одной реакции нужно.

– А как ты вынес? У вас же строго?

– Налил в банку, жидким азотом заморозил, сверху гудрона плеснул для герметичности, чтоб не парило. Ну, и пинал банку через проходную!

Сергей хохотал так, что Семен сделал ему замечание:

– Смотри, не тужься сильно-то! Грыжа может быть!

Отсмеявшись, друзья пошли искать кота. Васька, удобно расположившись в кресле, сосредоточенно вылизывал мошонку.

– Интересно, почему коты яйца лижут? – задумчиво спросил Серега, попыхивая «Явой».

– Потому, что они это могут! – пожал плечами Сеня, стряхивая пепел беломорины в горшок с многострадальным фикусом, оставшимся сиротой после смерти хозяйки дома.

Докурив, наш изобретатель взял кота и специальными пассами ввел его в рабочее состояние. Положил осторожно на стол. Василий замер в позе сфинкса. Надев очки, хозяин приблизил лицо вплотную к кошачьим глазам и слегка подвигал хвост, ловя сигнал, после чего протянул очки другу. Тот неуклюже разместил их на носу и стал смотреть. По первому каналу шли новости.

– Ничего себе! – вдруг воскликнул Сергей, – В Чили – военный переворот! Президентский дворец Ла Монеда взят штурмом! Луис Корвалан захвачен путчистами! Генерал Пиночет объявил себя диктатором!

Он сорвал очки. Семен быстро выключил кота, дернув за ухо, тревожно глянул на друга Серегу.

– Извини, Сема! Побегу! Сейчас весь Комитет на ушах стоит, а я, ведь, офицер связи!

– Да понятно... Счастливо тебе, не пропадай надолго!

– Ни за что! Кстати, меня в Москву переводят! Скоро!

– О, то есть бардзо добже! Звони!

– А то! Пока!

День подошел к концу. Прибравшись, и попереживав за Чили, Семен лег спать.

Васька, побряхтев, прикорнул в ногах. Приятное тепло хозяина разнежило его, и он завел свой мурлыкающий моторчик. Вскоре оба уснули.

Глава четвертая

Следующие несколько дней прошли в напряженной работе. Синтезировав необходимый препарат, Семен вводил его коту утром и вечером. Печень отвечала лучшей стабилизацией сигнала, изображение больше не двоилось и цвет не плавал. Оставалась проблема звука, но это уже чисто биомеханическая проблема, связанная со строением гортани. Нужно было опять нырять в дебри 12-й хромосомы и переставлять несколько комбинаций генов, но прежде обмозговать капитально.

– Мне хлеба не надо – работу давай!

– Мне солнца не надо – так партия светит!

Эти слова напевал под нос Семен, поспешая очередной раз на работу. Уже войдя в институт, он вспомнил: сегодня – политинформация! А сделать её должен был он, комсомолец Штюрмер! Холодный пот ужаса выступил на его, как писали в старину, челе. Чувство безысходности парализовало его на миг, но исправить было уже ничего нельзя. Если он побежит в киоск за газетами, что бы хоть как-нибудь, косноязычно, зачитать выдержки из передовиц, то опоздает на работу и его грех усугубится. Решив отбрехаться, но на работу не опаздывать, наш горе-работник идеологического фронта

открыл дверь и вошел в актовЫй зал. Весь НИИ Связи уже сидел там. Кто решал кроссворды, кто играл в карманные шахматы, кто вязал кофточку. В президиуме, за накрытым кумачом столом, сидел директор НИИ товарищ Беляев, его зам по АХЧ Смирнов, начальник отдела Убей-Волк, первоотделец Тихий и Анапа.

Смирнов встал и одернул перекрученный галстук.

– Что ж, уже время начинать мероприятие... Товарищи! Сегодня мы собрались, чтобы прослушать политинформацию о трагических событий в Чили, и выразить нашу дружескую поддержку братскому чилийскому народу и лично товарищу... э-э... Луису Корвалану, томящемуся в застенках кровавой хунты диктатора Пиночета. Докладает товарищ Штюмер.

Семен обреченно, как на эшафот, поднялся на сцену.

– Подождите! – громко заметил Беляев, – А где доклад, газеты, наконец? Вы, что же, на память будете читать?

Семену совсем поплохело.

– Я... это... ага!

Все посмотрели на него с подозрением.

– Ну, раз так... Начинайте! – с сомнением разрешил Смирнов.

Семен набрал полную грудь воздуха и... Ни единого слова не приходило на ум! Пауза затягивалась.

– Что же Вы, Штюмер? Вы, вообще, готовы докладывать?

Семен отрицательно потряс головой.

– Как!? – страшным голосом, гулким и рокочущим, аки сходящая с гор лавина, взорвался Беляев, – Вы! Не! Готовы! К политинформации!!!???

– Я учил... – плачущим голосом проямлил Семен, отчетливо понимая, что он – мертвый политический труп.

– Учил – не устал, выучил – не узнал! – многозначительно бросил первоотделец Тихий, – На чью мельницу воду льёте, комсомолец Штюрмер? Какую пищу даете врагам социализма?!

Сеня понял, что нужно срочно изобрести причину неготовности, иначе и из комсомола, и с работы погонят со свистом. Гениальная мысль молнией сверкнула в мозгу.

– Простите меня все! – он гулко ударил себя кулаком в грудь, – Учил, готовился, но выпил вчера лишку за здоровье чилийских патриотов, томящихся на Стадионе Смерти! И, спьяну, доклад потерял! – он покаянно повесил голову.

В зале воцарилась изумленная тишина.

– Что, правда, сильно зашибает? – шепотом спросил Тихий у Убей-Волка.

– Бывает... На той неделе, мне докладывали, с запахом на работу пришел.

– Точно! – подтвердила Анапа.

– А, работник-то, хороший?

– Золотые руки! – вздохнул Убей-Волк, – На нем весь отдел держится.

Пьющий Смирнов, выслушав все это сочувственно, снова

встал.

– Предлагаю рассмотреть вопрос о случайном срыве политической информации на открытом комсомольском собрании, которое мы сейчас и проведем. Кто за? Единогласно!

Услышав выражение «случайный срыв», Сеня понял, что его хитрость сработала, и он ещё поживет. Главное – раскаяться и разжалобить. А пьяницам сходит с рук то, что трезвенникам – никогда! И точно! Комсомольское собрание постановило объявить ему строгий выговор с занесением в учетную карточку. И всё!

После собрания его позвал к себе в кабинет Убей-Волк.

– Значит, так, Семчик! По комсомольской линии тебя наказали мягко. Не спорь!

– Да я...

– Есть мнение наказать тебя и по административной линии. Не спорь!

– Я... это...

– Поедешь вне очереди на картошку, на два срока – раз! Отпуск твой переносится на март месяц – два! Отбираю разрешение на совместительство – три!

– Иван Палыч! Жить не на что будет!

– Ладно, третий пункт снимаю. Иди, работай! Только осторожно, а то, помнишь стих:

С похмелья тряслися у мастера руки.

Паяльник упал ему прямо на брюки.

И жареным членом запахло вокруг:
Женщина мастеру больше не друг!

Нам только производственного травматизма не хватало!
И вообще: ну, выпил литр, ну – два, ну, ещё стакан... Но,
напиваться-то, зачем?

Семен двинулся к двери.

– Да, ещё вот что! От тебя, вроде, и не пахнет. Чем заже-
вываешь?

– Кофейными зернами, Иван Палыч, лучше всего!

– Да где ж ты их берешь-то? – изумился начальник, – Кофе
уже год нигде нет в продаже!

– От мамы осталось. А я кофе не пью.

– А-а... Тогда... г-м... принеси мне... немножко.

– Есть!

И Семен вышел, радуясь, что легко отделался.

Глава пятая

Через несколько дней поехали на картошку. Сеня взял с собой кота – не с кем было оставить. Василий был счастлив: новые кошки, новые спарринг-партнеры, сафари, в смысле, охота на крыс! Под влиянием вводимых препаратов он сильно поправился, ибо жрал в три горла. Соперников среди местных котов ему не было.

Семен добросовестно грузил мешки с картошкой и ещё калымил по вечерам с другими мужиками: строил свинарник, за который председатель обещал заплатить аккордно. Приходилось поддерживать репутацию раскаявшегося пьяницы: когда по вечерам все собирались за бутылкой, не отказывался, но выпивал самую малость. В результате все уважали его за крепость характера.

Месяц пролетел быстро. Домой Семен возвращался с чувством глубокого удовлетворения. А что? Денег заработал неплохо, подышал свежим воздухом, грибов насобирал, порыбачил – надо же чем-то кота кормить! Да ещё и на работе зарплату полностью получит! Василий тоже был доволен деревенской жизнью: всех котов победил, всех кошек огулял! Но хотелось домой: он скучал по хеку и минтаю.

Приехавши в Москву, первым делом занялись гигиеной: человек подстригся, сбрил бороду и сходил в баню. Кота же подвергли процедуре выведения блох. Васька чихал и уко-

риженно мяукал, но не сопротивлялся. Вечером Семен проверил способность Васьки к воспроизведению телепередач. И картинка и звук были устойчиво хорошими. Организм полностью перестроился. Довольно потеряв мозолистые ладони, Сеня до глубокой ночи записывал результаты в журнал.

На следующий день, пришедши на работу, он, не без приятности, понял, что Ниночка по нему скучала. Развивая успех, пригласил её вечером в кафе, отметить возвращение. Ниночка пожеманилась немного, но согласилась.

Убей-Волк встретил его с улыбкой.

– Вернулся? Вот хорошо! А то, чуть не половина опытов без тебя встала. И отзывы о твоём поведении самые положительные: не пил, говорят, совсем, стопку-другую – и всё! Молодец! Зайди в местком, тебя Ана... Анна Апполинарьевна видеть хотела.

Зашел в местком. Анапа сидела за столом в гипюровой блузке и с новомодной прической «Сэссун».

– Здравствуйте, Анна Апполинарьевна! Как Вы хорошо выглядите!

– Здравствуйте, Штюрмер! Похорошел... загорел, – грудным контральто проворковала предместкома, – Профсоюзные взносы за четыре месяца будем платить?

Что-то в её интонации и взгляде насторожило Сеню.

– Да, конечно, я как раз при деньгах...

Он вынул бумажник и отсчитал деньги. Передавая купю-

ры, он, случайно, уронил трешку на стол. Они одновременно наклонились за ней, и рука Сени оказалась на обширном бюсте председателя месткома. Продолжая начатое движение, он сжал пальцы. Грудь под рукой была теплая и упругая. По-краснев, отдернул руку, но было уже поздно. Глаза Анапы засверкали сверхновыми звёздами, щёки заалели. Она, часто дыша носом и раздувая ноздри, прерывистым голосом прошептала:

– Что ж ты дверь-то не запер, миленький?

И, одним прыжком оказавшись у двери, заперла её на два оборота. Затем подступила к Семену вплотную и, мощно обняв его, надолго приникла к его губам своим жадным ртом. Язык, длинный и скользкий, проник едва не до гортани, и принялся гулять туда-сюда, мягко и возбуждающе щекоча десны и нёбо. Наш герой стоял ни жив, ни мертв от неожиданности, не представляя, что делать, и чувствуя себя юной гимназисткой в похотливых лапах поручика Ржевского. Вырваться и убежать? Невозможно, дверь заперта. Поддаться неизбежному? Но разница в возрасте в пятнадцать лет... Всё было уже решено за него. Анна Апполинарьевна, ухнув, подхватила его на руки и почти швырнула на покрытый красным сукном стол заседаний.

– Сейчас, сейчас! – нежно мурлыкала она, срывая с него брюки и трусы, – О-о! Какой ты, большой и прекрасный!

Рванув блузку так, что пуговицы порскнули куда попало, освободилась от лифчика, и, обнажив большую, но приятной

формы, грудь, сунула сосок в рот распростертому на столе Сене. Судорога оргазма сотрясла её крепкое тело.

– О-о-о! Что ты со мной делаешь, бесстыдник! – едва не крикнула она.

Затем жарко зашептала в ухо:

– Сейчас я тебе, развратник, сделаю то самое, на букву Мэ! Никогда не делала раньше, но мечтаю с тех пор, как ты меня научил!

«Я научил!? Когда?!» – успел удивиться Семён.

И предместкома, не мешкая, приступила к процессу. Семён опустил руки, и правая попала на талию. Не прерывая возвратно-поступательных движений головой, Анапа растегнула молнию и уронила на пол юбку. Затем передвинула его ладонь на круглую и крепкую, как ядро, ягодицу. Это подхлестнуло её и, издав сдавленное рычание, она одним прыжком оседлала беспомощного мужчину. Члена профсоюза Штюрмера, не смеющего и пикнуть, употребляли и так, и эдак, в самых разных позах и комбинациях, в течение почти часа. К чести его, надо признать, что соответствовать ненасытной партнерше он смог. Когда, уже одетый, Семен собрался покинуть гнездо разврата, сиречь местком, Анна Апполинарьевна снова приступила к нему вплотную и потребовала:

– А теперь дай мне десять рублей!

– З-зачем?

– Хочу почувствовать себя проституткой! – мечтательно

закатив глаза, ответила она.

Пришлось дать, куда же деваться? Картинно подняв подол юбки, Анапа засунула червонец в чулок и облизнула припухшие губы.

В этот момент в дверь постучали. Он отпер дверь, обрадовавшись избавлению из плена. Вошел Саша Ерохин из пятой лаборатории. Знаком приказав ему сесть, предместкома, как ни в чем не бывало, предложила:

– Заходите к нам ещё, товарищ Штюрмер! Вы мне очень сегодня помогли!

Выйдя в коридор на подгибающихся от слабости ногах, Семен обернулся и прочитал лозунг над дверью: «Профсоюзы – школа Коммунизма!». М-да-а...

Рабочий день прошел, как в угаре. Дел за время отсутствия накопилось много, трудиться пришлось не разгибая спины. Вдруг вспомнилось, что вечером ещё встреча с Ниночкой. Поразмыслив, решил события не форсировать, ограничиться, типа, старомодным платоническим ухаживанием.

Глава шестая

Вечером забежал домой принять душ и переодеться перед свиданием. Василий, вышедший в прихожую встречать, моментально учуял, что хозяин сегодня огулял самку, и порадовался за него, выразив это в сложном колбасении на спине по коврику и хриплых воплях. Почесав ему пузо и потрепав за уши, Семен накормил друга любимым хеком и ушел в ванную приводить себя в порядок. Стоя под душем, выдавил на ладонь шампунь. Вспенил, показалось мало. С закрытыми глазами пошарил по полочке, добавил. Решив не смывать сразу, прошелся мочалкой по телу. Постояв под душем ещё немного, вытерся и вышел в комнату. Кот с испуганным мявом шарахнулся в сторону и запрыгнул на шкаф. Не обратив на это внимания и быстро одевшись, Сеня выскочил из квартиры, на ощупь причесался на ходу. К месту встречи успел вовремя, закурил и стал ждать. Ниночка опоздала на пятнадцать минут. Она приближалась, но явно не видела его, а смотрела по сторонам, находясь всего в трех метрах.

– Нина! – окликнул он её.

Она обернулась и вскрикнула. Глаза её округлились, правая рука прикрыла изумленно разинутый рот.

– Это ты... Вы... почему?

Семён настороженно осмотрел себя. Все было в порядке, молния на брюках застегнута, шнурки завязаны.

– Что-то не так? – растерянно развел он руками.

– Да вот же, волосы! Зачем ты их в такой цвет?

Догадавшись по его лицу, что понимания ситуации нет, Нина достала из сумочки зеркальце и протянула Сене. Увидев своё отражение, парень глухо застонал: волосы, только вчера подстриженные в парикмахерской за кровные пятьдесят копеек, стали разноцветными! Спереди и справа они были рыжеватые, как и раньше, но слегка ударили в кокетливую розовинку. Зато вся левая сторона и затылок были сине-зелено-черного, с металлическим блеском, цвета – как брюшко у навозной мухи!

– Ничего себе, помыл головушку... – прошептал наш герой-любownik, убитый в самую середину.

Ниночка уже смеялась серебристым рассыпчатым смехом. Отхохотав и промокнув аккуратно платочком подведенные глаза, девушка решительно заявила:

– С такими волосами в Советской России жить не рекомендуется! (Она явно знала классику!) Пойдем домой, товарищ кавалер!

Придя к Семену, она обследовала ванную и выяснила, что в результате взаимодействия шампуня «Ромашка» с просроченной, ещё маминой, краской для волос и возник неожиданный эффект полихроматизма волос. Попытались отмыть, но безуспешно.

– Придется брить! – грустил Сенья.

– Я помогу! – отзывчиво улыбнулась Нина.

Как писали те же классики: страдания человека, которому бреют голову безопасной бритвой, невыносимы. По окончании пытки горе-ухажер помотрелся в зеркало и провел по черепу пальцами. Видуха была ещё та...

– А мне нравится! – вдруг затенчиво протянула Ниночка, и нежно царапнула его ноготками пониже затылка. Потом она царапнула его по голой груди (Сеня был голый по поясу) уже более игриво. В следующий момент они слились в сладком-пресладком поцелуе. Её губы пахли свежим ветром, весенним дождём, яблоками и молодостью. Этот поцелуй не имел ничего общего с вулканически страстным, крепким, как портвейн «Агдам», поцелуем Анны Апполинарьевны. Его хотелось пить, как родниковую воду. Не прерываясь, Семен осторожно обнял девушку. Она доверчиво приникла к нему. Глаза её были прикрыты длинными ресницами, правая бровь трогательно изогнулась. Под руками двигалось и дышало нежное молодое тело. Быстро поняв по некоторым признакам, что развивать наступление сегодня не стоит, Сеня поцеловал милые губы ещё несколько раз и мягко отстранился. Нина, смущенно опустив взгляд, отвернулась поправить причёску.

– Всю помаду съел, бессовестный!

– Голодный, потому что! – весело ответил поедатель помады, сверкая бритым черепом, – Пойдем чай пить, с конфетами. Я замечательных конфет в деревне купил!

За чаем они много говорили о кино и литературе. Семен

похвастался купленными в деревне книгами. Тогда в деревне часто можно было встретить вещи, недоступные горожанам, но (увы!) ненужные деревенским. Ниночка немедленно выпросила почитать «Чёрный Обелиск» Ремарка. Затем разговор естественным образом перешел на кота, который, поняв, что хозяин ухаживает за новой самкой, всячески старался помочь, принимая на ковре эффектные позы для смягчения её сердца.

– А мой кот ещё и телевизор! – похвастался Семен.

– Как это?

– Сейчас увидишь!

Быстро приведя Ваську в рабочее состояние, он протянул Нине очки:

– Смотри ему в глаза!

Девушка, наклонясь, взгляделась, и тут кот начал транслировать:

– Верещагин! Уходи с баркаса! (Шло «Белое Солнце Пустыни»).

Ниночка взвизгнула от восхищения и приникла к Ваське вплотную. Сеня довольно улыбался. Через несколько минут фильм закончился и началась программа «Время».

– Ой, что это? – вдруг вскрикнула Нина, но Семен уже и сам услышал:

– ...и Генеральный Секретарь ЦК КПСС, Юрий Владимирович Антропов...

Тут трансляция прервалась: кот достиг предела – пятна-

дцати минут, и самоотключился.

Потрясенные, они молча смотрели друг на друга. Представить жизнь без Брежнева они не могли – он всегда был в их жизни, с раннешкольного периода, и казался вечным. А тут...

– Нет, ты слышал?

– Слышал... Невероятно! Может, напутали что?

Сеня включил уродливое детище Симферопольского завода под гордым названием «Фотон». Тот загудел, разогревая лампы. Через полминуты диктор Игорь Кириллов возгласил с экрана:

– Сегодня в Кремле, под председательством Генерального Секретаря ЦК КПСС, товарища Леонида Ильича Брежнева, состоялось торжественное заседание...

– Точно, напутали! – облегченно прокомментировал Семен.

– Ох, будет им на орехи за такие ошибки! – так же облегченно рассмеялась Ниночка.

И они снова стали целоваться, не обращая больше внимания на бубнящий телик.

Около одиннадцати, проводив подругу до метро и вернувшись домой, Семен задумался. Программа «Время» шла всегда в записи, не в прямом эфире. А значит, такой невероятной ошибки-оговорки не могло быть! Но она, тем не менее, была! Они оба слышали, им не показалось! Почесав затылок, снова включил телевизор. Как раз начина-

лись новости. Посмотрев с минуту, поймал и включил Василия. Всмотрелся и обмер: кот показывал тот же первый канал, но и диктор, и новости, были другими! Снова упомянули Антропова в качестве генсека... И число: в Васькиных новостях было 15 мая 1983 года. БУДУЩЕЕ!

В состоянии, близком к обмороку, Сеня выключил и живой и электрический телевизоры. Ум отказывался понять произошедшее. Но, как ни верти, надо было что-то делать. Закурив и сожгя беломорину до «фабрики», он принял решение. Подошел к телефону и накрутил номер, данный ему Сергеем для самых экстренных случаев. После второго гудка ответил дежурный офицер КГБ.

– Вас слушают.

– Здравствуйте, моя фамилия – Штюрмер. Мне необходимо срочно связаться с капитаном Трубецким-Белым, Сергеем Михайловичем... Да, я его информатор... Да, безотлагательно! Я буду у телефона.

Сергей позвонил через десять минут.

– Что случилось, Сёма? В такой час? – встревоженно спросил он, зная, что друг не станет использовать этот канал связи по пустякам.

– Слово и Дело! – почти крикнул Семен в трубку старинную формулу, – Срочно приезжай!

– Буду у тебя через два часа, – коротко ответил Сергей и, не задавая лишних вопросов, повесил трубку.

Глава седьмая

К приезду Сергея Семен подготовился основательно: зарядил цветной пленкой восьмимиллиметровую кинокамеру «Кварц 2М» и укрепил её на штативе, а также настроил на запись магнитофон «Комета». Покормил Ваську, хоть было и не время. Кот отказываться не стал, слопал и рыбку, и ломтик любительской колбасы с благодарностью. Благодарность он выразил, вскочив хозяину на плечо и деликатно куснув за ухо.

Сергей приехал только в два часа ночи.

– Во! Обрили уже!

– Да нет, это случайно вышло...

И Сеня рассказал другу историю с краской для волос.

Отсмеявшись, Сергей посерьезнел.

– Рассказывай по делу! – потребовал он коротко.

И слушал рассказ не прерывая.

– Антропов, говоришь... Ничего не напутал? Не преувеличил?

– Нет, что ты! Все рассказал, как было.

– С девочкой надо поговорить, чтоб помалкивала... Ну, это я утром, первым делом.

– Так ты мне веришь?

– Верю, Сёма, но проверю... Включи-ка аппарат!

Включили «Фотон», но в такой поздний час на экране бы-

ла только настроечная таблица.

– Что ж, подождем до утра... А пока, давай съездим, второй телик привезем. И вторую кинокамеру с магнитофоном.

– Зачем?

– Затем! Поставишь кота в режим ретрансляции, чтобы через телик его смотреть. А другой телик – контрольный.

– Угу, так даже лучше будет! Вася дольше сможет в режиме ретрансляции работать. До двадцати минут!

Съездили за аппаратурой, установили.

– Вот ещё что, Сёма. Дело, как ты понимаешь, государственной важности. Заниматься им неофициально нельзя. Поэтому ты сейчас мне напишешь заявление о добровольном сотрудничестве с Комитетом. Я продиктую.

– Вербуешь, значит?

– Дурак! Нахрен мне тебя вербовать! Просто, я – лицо официальное, и наши с тобой отношения должны быть оформлены надлежащим образом. Ну, приду я к начальству с записями, а меня спросят – где взял? У Штюрмера? А кто такой – Штюрмер? А я им – вот, пожалуйста, внештатный сотрудник! Понял теперь?

– Понял, Сережа! Давай бумагу.

До шести утра не спали, болтали о разных пустяках. Вспомнили, как после второго курса пошли на танцы в деревенском клубе, и вынуждены были вдвоём, спина к спине драться с местной шпаной, вооруженной колами, ножами и кастетами. Под конец Семён упал с проломленной головой, но Се-

рега, вырвав кол, отмахался. Потом, несмотря на три сломанных ребра и ножевую рану в бедре, тащил друга по грязи, в крошечной темноте, в райбольницу за восемь километров.

Вспомнили также, как Семен отдал все сбереженные на мотоцикл деньги – 900 рублей, когда Серега по-гусарски проиграл пароходным шулерам в покер деньги, собранные за подписку на газеты и журналы со всего факультета. Если бы не внес на следующий день те денежки в кассу, могли и посадить, а уж из универа выперли бы точно. Деньги Сергей отдавал потом три года, и Сеня мотоцикл так и не купил. Да, много в их жизни было всякого.

Часы на стене пробили шесть.

Друзья включили аппаратуру, Семен настроил кота на ретрансляцию на «Фотон».

И снова новости были разные. Васька транслировал их с упоминанием Антропова в качестве генсека, и число было из будущего – 16 мая 1983 года. Второй телик ловил с антенны обычные новости, и генсеком, конечно же, упоминался Леонид Ильич. И число было сегодняшнее.

Новости кончились, и они, выключив все, долго молча смотрели друг на друга. Васька бродил вокруг них кругами, и мямом требовал харч за ударный труд, но они не обращали на него внимания. Слишком серьезно было то, что они видели, слышали и записали.

– Дела-а... – протянул Сергей, закуривая.

Сеня вышел на кухню, и вскоре вернулся с чайником и ры-

бой для кота.

– Антропов, значит, – поднял на него глаза Сергей, – Ты понимаешь, как это важно? Юрий Владимирович порядок в стране наведет ого-го! Почти тридцать седьмого устроит. Ведь до чего дошло: во всех наших южных республиках, за деньги можно должность купить, хоть секретаря обкома, хоть прокурора республики. Взятки берут все, у всех и за все. Да, что говорить! В России и на Украине немногим лучше. Прогнило все. А Антропов не такой, я-то знаю! Ох, Сёма, пересажает он этих гадов, а кого и постреляет!

– И сразу все наладится?

– Не сразу, конечно. Нужно будет умных людей подобрать, на посты назначить. Ну, да, что сейчас об этом! Нам нужно материалу набрать побольше для анализа. Ты сиди дома и пиши передачи, сколько кот выдержит. Что нужно, чтоб он в форме был?

– Жратва, раствор глюкозы, раствор Рингера, витамины... Пожалуй, всё. Только как же я на работе объясню?

– Г-м... Возьмешь больничный, а там видно будет. С поликлиникой я лично договорюсь. А через три дня меня уже в Москву переводят, буду жить в родительской квартире. Тогда смогу тебя подменять... на боевом дежурстве. И помни: обо всем этом знаем только мы двое! Утечка информации недопустима, иначе не сносить нам головы. Враг не дремлет!

– Да понял я, понял!

– Хорошо, что понял. Давай коленку забинтую.

– Зачем?

– А доктор придет, спросит, что болит, а ты ему: поскользнулся, упал, потерял сознание, очнулся – коленка болит... и голова. Больничный на неделю сразу получишь. Да и доктор придет правильный, наш.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.